

Первый луч солнца, пробившийся сквозь щель в шторах, едва коснулся прикроватной тумбочки, и Му Тан проснулся.

Это не было резкое пробуждение, скорее ощущение, будто утренний свет мягко вытолкнул его из состояния полудремы. Он моргнул — массивная европейская люстра на потолке еще тонула в серой дымке, а снизу доносилось приглушенное гудение кофемашины, смешанное с легким шипением яичницы на сковороде. Это был привычный утренний ритм их дома.

Ощущение руки старшего брата, сжимавшей его пальцы во время вчерашней тренировки аккордов в музыкальной комнате, казалось, все еще жило на ладони — теплое, с легким морским привкусом. Он поджал пальцы, и ему показалось, что от простыней все еще исходит тонкий древесный аромат клавиш, а в голове даже во сне звучала прерывистая, но нежная мелодия.

— Проснулся? — раздался за дверью голос тетушки Чжан, как всегда, с нотками улыбки. — Старший и второй господа уже внизу, вставай умываться, завтрак почти готов.

Му Тан отозвался, но, скидывая одеяло, задел лодыжкой ножку кровати и шикнул от боли. Только сейчас он запоздало вспомнил, что тело нынешнего владельца оказалось куда более хрупким, чем он предполагал — достаточно легкого удара, чтобы почувствовать ноющую боль. Растирая лодыжку, он открыл дверь. Утренний свет, падая под углом, разливался по ковру в коридоре, словно длинная золотая лента.

Спускаясь по винтовой лестнице, он все еще размышлял о словах старшего брата про лейтмотивы Вагнера, машинально перебирая пальцами по перилам, словно по клавишам. Но стоило его взгляду скользнуть через резные балясины на диван в гостиной, как остатки тепла мгновенно улетучились, будто на них вылили ледяную воду.

В самом центре дивана сидел человек.

Воротник темно-серой шелковой пижамы был небрежно распахнут, открывая изящную линию ключиц, рукава закатаны до предплечий, обнажая запястье с лаконичными часами — лимитированная модель, только в прошлом месяце представленная на Неделе моды в Милане, о которой Му Тан читал в новостях пару дней назад. Мужчина сидел вполоборота к лестнице, левой рукой подпирая голову, а правой рассеянно вращая перьевую ручку. Солнечный свет падал на его прямой нос, делая отчетливо заметной крошечную светло-коричневую родинку в уголке глаза.

Му Тан резко замер, и волоски на затылке встали дыбом.

Это был Му Юй, второй брат.

В воздухе едва уловимо витал феромон альфы — холодный аромат кедра. Му Тан подсознательно вцепился в перила так, что побелели костяшки пальцев. В памяти прежнего

владельца тела второй брат улыбался редко, особенно в его присутствии, всегда сохраняя почти пугающую строгость.

— Проснулся? — Му Юй повернул голову, и ручка замерла в его пальцах. У него были светлые янтарные глаза, которые при улыбке слегка прищуривались, но сейчас он не улыбался. Свет в его взгляде был холодным, и, когда он смотрел на Му Тана, казалось, что он оценивает неидеальное произведение искусства.

— В-второй брат, доброе утро, — голос Му Тана дрогнул. Он старался говорить как обычно, но в конце фразы предательски проскользнула паническая нотка.

Му Юй ответил коротким «м-м», задержал на нем взгляд на несколько секунд и отвернулся:

— Спускайся завтракать.

Слова были самыми обычными, но Му Тан почувствовал, будто его кто-то легонько ударил. Он глубоко вдохнул и начал спускаться по лестнице, чувствуя, как каждый шаг отдается осколками его фантазий — воспоминания о проваленном тесте по теории музыки и разочарованном взгляде брата захлестнули его.

На столе уже ждал завтрак: яичница с идеально поджаренными краями, золотистые тосты и чашка дымящегося молока с пенкой из меда.

Му Тан сел, машинально потирая край чашки. Старший брат, Му Цзинь, поставил перед ним тарелку с фруктами и с улыбкой спросил:

— Хорошо спал? В музыкальной комнате было комфортно?

— Да, вполне, — Му Тан сделал маленький глоток молока. Теплая жидкость скользнула в горло, но не смогла разогнать тревогу в сердце.

— У тебя сегодня утром нет занятий, может, пойдешь в музыкальную комнату потренироваться? — предложил Му Цзинь.

Му Тан уже хотел кивнуть, но напротив послышалось легкое фырканье.

— Тренироваться? — Му Юй отложил газету и посмотрел на него. — С такими результатами по теории музыки есть еще желание играть?

Рука Му Тана дрогнула, молоко едва не пролилось. Он поднял глаза и встретился со взглядом Му Юя — в янтарных глазах не было гнева, но этот спокойный, изучающий взгляд пугал еще сильнее.

— Я... — он открыл рот, но горло перехватило.

В воспоминаниях прежнего владельца брат редко критиковал его напрямую, но каждое его слово ранило сильнее любой ругани.

— Тест по теории в среду, результаты уже пришли? — голос Му Юя был тихим, но действовал как тупой нож, медленно разрезающий психологическую защиту Му Тана. Он ожидал, что, как и в его прошлой жизни, его будут ругать или бить.

Пальцы Му Тана сжались в кулаки, ногти впились в ладони. Шестьдесят два балла, тридцать седьмое место — худший результат на курсе, едва-едва проходной.

— Я... — он закусил губу, инстинктивно пытаясь соврать, но взгляд брата не позволил этого сделать.

— Сколько баллов? — спросил Му Юй прежним спокойным тоном.

Дыхание Му Тана перехватило.

— Шестьдесят два, — внезапно ответил Му Цзинь, в его голосе слышалась усталость. — Тридцать седьмое место в рейтинге.

Му Тан резко поднял голову, глядя на старшего брата с мольбой, но тот лишь вздохнул и промолчал.

Му Юй отложил газету и посмотрел Му Тану прямо в лицо.

— Почему так плохо? — спросил он тихо, но с невыносимой тяжестью.

Горло Му Тана сжалось, пальцы теребили салфетку.

— Я... я в последнее время слишком много времени уделял игре на фортепиано... — прошептал он, опуская голову все ниже.

— Лжешь, — сказал Му Юй. В его голосе не было ярости, только глубокое разочарование.

Му Тан вскинул голову, глядя брату в глаза.

— Я не... — слабо возразил он, но уверенности в голосе не было.

Му Юй не стал спорить, он просто молча смотрел на него своим холодным, спокойным взглядом.

— Му Тан, — позвал он, и от его тихого голоса Му Тан весь напрягся. — Знаешь, что меня разочаровывает больше всего?

Му Тан покачал головой, на глазах выступили слезы.

— Не то, что ты плохо сдал, — сказал Му Юй. — А то, что ты боишься взглянуть правде в глаза.

Дыхание Му Тана прервалось, и слезы покатались по щекам.

— Я... я боялся, что ты разозлишься... — всхлипнул он.

Му Юй помолчал, затем протянул руку и осторожно вытер слезы с его глаз.

— Я злюсь, потому что ты недостаточно серьезно относишься к себе, — тихо сказал он. — Но еще больше меня огорчает, что ты предпочел солгать, вместо того чтобы сказать мне правду.

Му Тан всхлипнул и кивнул.

Му Юй вздохнул, достал из кармана лимонную конфету, развернул ее и вложил в ладонь Му Тана.

— Съешь, не плачь, — сказал он мягко, но твердо.

Му Тан взял конфету, кисло-сладкий вкус растаял на языке, и слезы постепенно высохли.

— Теория музыки важна, — сказал Му Юй, смягчившись. — Но еще важнее научиться признавать свои проблемы.

Он взял салфетку и аккуратно вытер пятнышко молока, которое Му Тан пролил на стол, — его движения были такими бережными, словно он прикасался к чему-то драгоценному.

— После обеда, — продолжил он, — мы вместе повторим теорию, хорошо?

Му Тан поднял глаза — в янтарных глазах брата больше не было разочарования, только мягкое ожидание.

Он кивнул и прошептал:

— ...Хорошо.

Му Юй едва заметно улыбнулся, и родинка в уголке его глаза в утреннем свете показалась особенно нежной.

— Умница, — сказал он. — Доедай завтрак, и пойдем в музыкальную комнату.

После обеда Му Тан думал, что брат сразу поведет его заниматься, но Му Юй велел ему отдохнуть, специально попросив тетюшку Чжан приготовить суп из миндаля и семян лотоса — для «подпитки мозга».

Му Тан держал теплую чашку, чувствуя смятение. В воспоминаниях прежнего владельца брат иногда приносил ему подарки, но редко проявлял такую заботу о повседневных мелочах. Он отпил немного — сладковатый, не приторный суп с тонким ароматом миндаля приятно согрел горло и успокоил.

— Поспи немного, — Му Юй стоял у кровати, поправляя прядь волос на его лбу. — В три часа дня я заберу тебя в музыкальную комнату.

Му Тан моргнул, не успев ответить, и почувствовал, как матрас прогнулся — брат сел рядом.

— ...Второй брат? — он растерянно поднял голову.

Му Юй ничего не ответил, лишь осторожно потрепал его по волосам, словно успокаивая встревоженного зверька.

— Не нервничай так, — его голос звучал тихо, с хрипловатой нежностью. — Я знаю, ты справишься.

Сердце Му Тана подпрыгнуло, щеки слегка зарделись. Опустив голову, он пробормотал:

— ...Но... я же так плохо сдал.

— Это потому, что раньше ты плохо готовился, — голос Му Юя оставался спокойным, но в нем слышалась скрытая ласка. — Если начнешь заниматься серьезно сейчас, все успеешь.

Му Тан посмотрел на него — в янтарных глазах не было разочарования, только мягкая уверенность.

Он прикусил губу и прошептал:

— ...Да.

Музыкальная комната после полудня...

Ровно в три часа Му Юй открыл дверь.

Солнце через панорамное окно заливало рояль, клавиши мягко блестели, словно покрытые золотом. Му Тан уже сидел на банкетке, машинально постукивая по крышке инструмента, его сердце билось чаще обычного.

— Пришел? — Му Юй подошел к нему, положил учебник по теории музыки и чашку горячего какао на стойку. — Выпей, чтобы руки не замерзли.

Му Тан взял чашку, тепло керамики немного уняло его тревогу.

— Начнем с ошибок, — Му Юй открыл учебник, указывая пальцем на отмеченную задачу. — Что ты думал, когда решал это задание?

Му Тан уставился на страницу, пытаясь вспомнить ход своих мыслей на экзамене, но все путалось, и в итоге он просто покачал головой:

— ...Не помню.

Му Юй не стал ругать, лишь тихо вздохнул, взял ручку и начал заново разбирать решение на черновике, терпеливо объясняя:

— Смотри, сначала нужно определить тональность, а потом вывести ответ исходя из гармонического хода...

Его голос был тихим, но необычайно ясным, словно талая вода, просачивающаяся в почву. Му Тан постепенно расслабился, его пальцы начали машинально отбивать ритм по крышке рояля.

— Понял? — спросил Му Юй, закончив объяснение.

Му Тан кивнул:

— ...Да, кажется, немного понял.

— Тогда попробуй еще раз, — Му Юй перевернул страницу, но на этот раз не стал объяснять, а просто протянул ему ручку. — Попробуй вывести сам.

Му Тан замер, принимая ручку — пальцы слегка дрожали.

— Не бойся ошибиться, — тихо сказал Му Юй. — Если что, исправим вместе.

Му Тан глубоко вздохнул и начал решать.

Солнце постепенно клонилось к закату, свет в комнате стал мягким, будто пропитанным медом. Му Юй сидел рядом, время от времени заглядывая в тетрадь, указывая на мелкие огрехи, но чаще просто тихо находясь рядом.

— Здесь, секвенция в терцию, — тихо подсказал он.

— Этот переход аккордов можно сделать плавнее.

— Отлично, теперь попробуй сам.

Кончик ручки скользил по бумаге, мысли прояснялись. Он понял, что теория музыки, которая казалась такой сложной, на самом деле не так уж страшна — просто раньше он боялся смотреть ей в лицо, отчего все путалось.

Перерыв.

Через час Му Тан отложил ручку и потер уставшие глаза.

— Устал? — Му Юй закрыл учебник и повернулся к нему.

Му Тан кивнул, а потом покачал головой:

— ...Немного, но спать не хочется.

Му Юй улыбнулся, достал из шкафчика коробку печенья и пододвинул к нему:

— Отдохни десять минут, перекуси.

Му Тан взял печенье, откусил — хрустящее, с легким ароматом сливочного масла. Он украдкой взглянул на брата: Му Юй опирался на рояль, просматривая ноты, его профиль в лучах заката казался особенно мягким.

— Второй брат, — внезапно позвал он.

— М? — Му Юй поднял голову.

— ...Спасибо тебе, — Му Тан опустил голову, теребя обертку от печенья. — Сегодня днем ты на меня не кричал.

Му Юй замер, затем отложил ноты и сел рядом.

— Почему я должен был кричать? — спросил он тихо.

Му Тан посмотрел на него с неуверенностью.

— Ты просто плохо сдал, — продолжал Му Юй, постукивая пальцем по учебнику. — Но ты стараешься, и этого достаточно.

Сердце Му Тана екнуло, горло сжалось.

— Я... я буду стараться еще сильнее, — пообещал он.

Му Юй смотрел на него с легкой улыбкой в янтарных глазах:

— Я верю в тебя.

После отдыха Му Тан снова взялся за ручку, продолжая занятия. В этот раз мысли были яснее, он даже начал задавать вопросы, и Му Юй терпеливо обсуждал их с ним.

Незаметно за окном стемнело, в панорамном стекле отразились огни города, похожие на звезды в ночном небе.

— На сегодня хватит, — Му Юй закрыл учебник и посмотрел на часы. — Уже семь вечера.

Му Тан с сожалением отложил ручку, чувствуя, что действительно проголодался.

— Проголодался? — спросил Му Юй.

Му Тан кивнул, а потом, вспомнив что-то, тихо спросил:

— ...Второй брат, ты сегодня вечером не идешь на съемки?

Му Юй покачал головой:

— Сегодня выходной.

Му Тан моргнул, не решаясь спрашивать дальше.

Му Юй, словно прочитав его мысли, улыбнулся:

— Что хочешь на ужин? Скажу тетушке Чжан приготовить.

Му Тан подумал и прошептал:

— ...Можно креветочные пельмени?

— Конечно, — Му Юй взъерошил его волосы. — Я помню все, что ты любишь.

Сердце Му Тана забилося быстрее, щеки вспыхнули. Он опустил голову и пробормотал:

— ...Второй брат самый лучший.

Му Юй на мгновение замер, а потом рассмеялся и легонько щелкнул его по лбу:

— Лстец.

<http://bllate.org/book/18827/1832494>